

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТМОДЕРНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА И ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Орденос Сергей Сергеевич,

*аспирант кафедры философии Национального авиационного университета,
г. Киев, Украина.*

Трансформационные процессы, происходящие в современном мире, свидетельствуют о переходе к глобализированной системе общественных отношений, характеризующейся изменениями в экономических, политических и культурных социальных институтах. Глобальный характер этих отношений на фоне растущей интенсификации интеграционных процессов между различными частями мира и углублением политико-экономической взаимозависимости между странами способствует гомогенизации мира, а также формированию глобального сознания, представленного соответствующими моделями мышления, включающими в себя все проекции глобального мира.

Глобальные модели мышления, формируемые в современном социуме, призваны определять как мировоззренческие установки, так и особенности разных культур, чему в немалой степени способствует формирование всемирного информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационно-коммуникационное взаимодействие между людьми. На фоне бурного развития современных коммуникационных систем, которые «в корне изменили многие социальные процессы, позволив сблизить и объединить отдельные, до того не связанные между собой, территории и социальные структуры» [1, с.19], упрощается доступ к мировым информационным ресурсам, что позволяет удовлетворять личные и социальные потребности в информационных продуктах. Доступ к разнообразной, в том числе правовой информации открывает новые возможности для всестороннего развития и самореализации личности, оказывая влияние на формирование повседневного правосознания. В этом контексте важным становится информатизация общества, благодаря которой происходит диффузия теоретических знаний в обыденное сознание, а в массах формируются научно-мировоззренческие правовые компоненты.

Означенные факторы приводят к изменениям характеристик, отражающих духовную жизнь социума. Меняются общественные взгляды, ценности, нормы, а также правовые представления и чувства, что позволяет говорить о трансформации общественного сознания, в том числе и правосознания, в контексте глобализации мирового социума.

Необходимо отметить, что в постмодер-

ном мире наряду с положительными аспектами, вызванными интегративными процессами, становление глобального общества сопровождается обострением ряда противоречий, связанных с изменением социокультурных ориентаций и ускоренной трансформацией ценностных систем. В частности, повышается вероятность разногласий индивидуальных и групповых аксиологических паттернов, столкновений социокультурных и ментальных образований различных культур, размытия ценностных ориентиров и установок. Как справедливо замечает В.С. Степин: «В постмодернизме есть определенная установка, или лучше сказать, скрытая идея, что состояние динамического хаоса и нестабильности можно воспринимать как идеал нового типа человеческого бытия, где любая ценность относительна, где ирония и постоянное переосмысление текста становится нормой жизни» [2, с.5]. Такая особенность постмодернистского восприятия мира, в тотальных условиях ослабления ценностей и целостности, детерминирует правовой релятивизм, размывая аксиологические основы правосознания. При этом, установки Постмодерна своим источником имеют общественные идеалы Модерна, культивировавшего социальную значимость и ценность идеи права.

П. Козловски, исследуя постмодерный символ эпохи в книге «Культура постмодерна», рассматривал период Постмодерна, как сохраняющий определенные импульсы эпохи Модерна, в частности, правовое государство и права человека: «одновременно развить их дальше в новый синтез субстанциональности и модернизации» [3, с.21]. В целом этот подход коррелирует с экстремной традицией западноевропейского сознания, его аналитической направленностью и нарастающей когнитивной дифференцированностью. Вместе с тем, постмодерное сознание имманентно ориентировано на формирование жизненного пространства, в котором утверждается примат свободы во всем. При этом свобода, как собственно и свобода выбора, в культуре Постмодерна априори поставлена в зависимость от обстоятельств и определенных идеологических влияний, оказываемых в каждом конкретном случае и каждой социальной средой, так как допускается, что индивид, будучи субъектом конкретного социокультурного поля, не имеет влияния вне господствующей дискурсивной системы.

Отрицая всякого рода нормы, традиции, моральные парадигмы, постмодерное сознание низвергает авторитеты любого ранга, в том числе – политико-правовые идеалы Модерна, ставя под сомнение природу человеческого существования как «*res cogitans*», т.е. в качестве мыслящей реальности, отказывая таким образом, – мысли в истинности, а реальности в существовании. Это внутреннее неприятие однозначности, борьба с тотальностью знаков и значений проходит в Постмодерне по всем уровням бытия, в том числе по линии науки. Так, если ключевой установкой в науке Модерна была секуляризация сознания и «расколдовывание» мира, путем поиска и выявления на принципах логоцентризма абсолютного знания, то в эпоху Постмодерна, задачей науки стала деконструкция культуры и как следствие – «снятие чар» с мира (Р. Рорти), путем развенчания всех абсолютов.

В этой связи, понятие «истины» и связанное с нею соотношение наблюдаемых явлений с каким-либо рациональным обоснованием в постсовременный период приобретает догматическое значение. Нормой (отнюдь уже не истиной) в современной науке стает индетерминизм с его многозначностью и нелинейностью, что вполне допускается научной когнитивной моделью, вписываясь в современную картину мира. Такая многогранность, эклектичность и бесконечная альтернативность современной научной мысли корреспондируется с культурой постсовременности, будучи обеспеченной высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий и производства, что в значительной степени определяет структуру социального действия и практики, формируя тем самым образ мыслей и поведения. Так, современный исследователь С.Н. Ягодзинский репрезентирует процесс формирования глобального сознания как «особенную социокультурную практику информационного общества, целью которой есть консолидация общества во всех направлениях реализации его социокультурного и инновационного потенциалов»[4, с.161]. Действительно, социокультурные практики как совокупность социальных действий выступают в основе социальных процессов, формируя общественное сознание и развиваясь вместе с ним. Вместе с тем, мир Постмодерна безальтернативно уготовил будущему «альтернативное», нелинейное развитие, в связи с чем, все цели размываются во флуктуациях и преломляются в бифуркационных неопределенностях. И связано это с важнейшей характеристикой Постмодерна – отказом от эсхатологизма, линейности и универсальности историзма, выстраивающего путь развития человечества в стройную и последовательную схему.

Еще в 30-е годы XX столетия А.Н. Уайтхед утверждал, «что представление об «отчетливом знании» является высшей степенью абстракции, которую мы должны гнать из своего созна-

ния. Знание всегда сопровождается эмоциями и целями. Мы должны помнить, что так обстоит дело на всех уровнях обобщения идей»[5, с.40]. Подобные установки со временем проявились в постмодерной атомизации, смешивании различных форм в рамках общей картины миропониманий, что вместе с усилением эзотеричности, привело к сознательно культивируемой закрытости, свидетельствующей, по словам Ю. Хабермаса, о новой «непрозрачности» мира.

Нивелирование в современном социуме идеи сциентической ориентации и вместе с тем осознанием двойной детерминированности научного знания, с одной стороны – сферой научной практики, с другой – активной волей и желаниями действующего субъекта, – ученного, ставящего опыт или собирающего факты, не способствует «прозрачности» разума всеобщих процессов и выработке четких, предельно общих правил. Вместе с тем, следует отметить, что «отчетливое знание» модерного периода также не было безапелляционным, будучи скорее установкой (должным), нежели реальным положением вещей (сущим) и их взаимная корреляция была извечной проблемой (Д. Юм).

Идею, что научный концепт есть предмет относительный и в значительной степени является результатом риторических убеждений, развивает современный французский философ Б. Латур. Он утверждает, что в процессе установления некоего утверждения как научного факта в статусе элемента объективной реальности имеет место лабораторное конструирование, что относится как к объекту физического явления, так и к контексту социального, как в нашем случае, знания. Так, в своей работе «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии» он пишет: «Никакая наука не может выйти из сети, образованной собственной практикой»[6, с.88]. Таким образом, рамки самой науки, как и мыслящий субъект, перестают быть легитимирующими факторами объективной реальности, выпадая вместе с риторико-метафизической подоплекой психологизма из структуры фундаментального знания. А если накопленные человечеством знания наряду с логоцентризмом Модерна теряют свое влияние на вероятностное значение ожидаемой величины, то какие же антиципации ее питают?

Постструктуралисты попытались ответить на этот вопрос, ища истоки в самом тексте, рассматривая его как открытое произведение. На их взгляд, существует только текст, живущий самостоятельной жизнью, в котором закодирован как собственный образ, так и образ другого. Как отмечает В.Ж. Келле: «Текст, описание, нарратив обходятся [в постмодернизме] без своего источника – субъекта. О тексте можно судить только в пределах самого текста, а не откуда-то извне. Концептуальные персонажи и сингулярности заменяют человека, субъекта в мышлении и творче-

стве. Провозглашается «смерть человека». Он больше не нужен философии, она может обходиться без него» [7, с. 146], в связи с чем, сущности и образы, закодированные в тексте, никогда окончательно не постижимы.

Так как различные варианты постструктуралистской мысли были заданы в попытке мышления «изнанки» структуры, то место личной логики заняла эмоциональная сфера, порядок изменился непредсказуемостью, а целостность — разнородностью и фрагментарностью. При этом одна из сторон постмодерного сознания включила в себя то, что можно было бы назвать «метафизикой желаний» (пульсации, интенсивности, энергии), а другая — специфические плюрализированные различия (сингулярности, партикулярности). В итоге, в сознании укрепилась иллюзия создания универсальной парадигмы «текстуального сознания», «универсального семиоанализа», — парадигмы, выражающей критерий абсолютного отличия новейшего этапа культуры от других культур, а также способный охватить сознание и как основание, и как предмет» [8, с. 13]. Данная парадигма позиционирует дальнейшее развитие как связанное с деконструкцией переосмысление существующего, таким образом, избавление от аксиологических оснований культуры Модерна становится своеобразной программой постмодерна. Но что предлагает взамен постмодерн в аксиологическом плане?

Известный польский философ З. Краснодембский выделяет следующие характерные черты постмодерна: «...прославление беззаботного плюрализма, убеждение во взаимной непродуктивности и «непереводимости» разных форм жизни, акцент, который ставится на споре, а не согласии; деонтологизация мира, что предусматривает «фиктивный характер любой реальности», восприятие реальности как эстетичного конструкта..., нигилизм познания..., деконструкция историософско-политически-этического дискурса...» [9, с. 103]. Эти характеристики выступают как в качестве системообразующих конструктов, так и в роли аксиологических факторов, формирующих постмодерное сознание. Более того, при всей своей неоднозначности, они позиционируются в качестве ключевых интегративных установок глобализации, небезосновательно становясь при этом объектом критики со стороны обществ, имеющих иные взгляды и социокультурные установки.

В связи с этим, возникает ряд внутренних противоречий, сопровождающих глобализацию: утрата человеком ценностно-смысловых жизненных ориентиров, при одновременном возрастании роли индивидуалистических отношений; нивелирование в глобальной практике повседневных отношений традиционных норм и ценностей, выра-

ботанных в рамках локальных культур; распад целостного мировосприятия на множество фрагментов, слабо структурированных между собой; скептицизм в отношении человека, как субъекта целерациональной деятельности и познания, и как следствие, — отрицание современного антропоцентризма и гуманизма; разочарование в рационализме, а также в разработанных на его основе идеалах и ценностях сциентизма; отказ от онтологизации и провозглашение языка «домом бытия», — единственного «бытия» в постмодерне, которое может быть познано. Все эти факторы в своем единстве приводят к достаточно противоречивому и неопределенному впечатлению, вызываемому всей культурой постмодерна, в парадоксальных условиях которой происходит формирование глобального правосознания.

Литература

1. Разин В.М. Интернет — новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда / В.М. Разин // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. — М., 2004. — 239с.
2. Степин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей / В.С. Степин // Высокие технологии и современная цивилизация. — М., 1999. — 131с.
3. Козловски П. Культура постмодерну / П. Козловски. — М.: Республика, 1997. — 240 с.
4. Ягодзінський С.М. Глобальні інформаційні мережі у соціокультурній перспективі: монографія / С.М. Ягодзінський. — К.: Аграр Медіа Груп, 2015.- 276с.
5. Уайтхед А.Н. Приключения идей [Текст] / А.Н. Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2009. — 383 с.
6. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б.Латур; Пер. с фр. Д.Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. — 240 с. (Прагматический поворот; Вып. 1).
7. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре [Текст] / В.Ж. Келле; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2011. — 218 с.
8. Савельева М.Ю. Введение в метафизику сознания / М.Ю. Савельева. — К.: Видавець ПАРАПАН, 2002. — 334с.
9. Краснодембський З. На постмодерністських роздоріжжях культури / З. Краснодембський; Пер. з польськ. Р. Харчук. — К.: Основи, 2000. — 196с.

Поступила в редакцию 19.10.2015 г.